

Роберт Бернс: место в сердце

200 лет назад, 21 июля 1796 года умер Роберт Бернс. Ему было тридцать семь. Он писал на языке, который примерно в том же родстве с английским, что украинский с русским. Более двух столетий его стихи поют шотландцы, сдвигая кружки с ячменным виски или крепким пивом и проливая на подол клетчатых kilts. Он прочно вошел в русское чтение. Так и тянет назвать нашеньким, русским. Мы легко выпитываем чужое, у нас вселенская душа, у нас и Бунин научился читать по «Дон-Кихоту».

Бернс обрусел не сразу. В прошлом веке его четверостишие переложил Лермонтов. То был эпиграф к поэме Байрона «Абидосская невеста»:

*Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались,
не прощались,
Мы с страданьем
бы не знались.*

Лермонтов считал себя потомком Лермонта, выходца из Шотландии. Бернса переводили слепой Козлов, Михайлов. Тургенев читал в оригинале. Некрасов писал Тургеневу: «...У меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом (...) вероятно, тебе будет нетрудно перевести для меня одну или две пьесы (прозой, по своему выбору) (...) я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз». Тургенев откликнулся: «Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса (...) Бернс - это чистый родник поэзии». Дух захватывает от предположений, что б вышло, осуществил Некрасов свой замысел. «Джона Ячменное Зерно» и «Веселых нищих» лихо перевел Багрицкий, это уже XX век. И еще другие. Чудо перевыражения осуществил в 30-40-е Маршак, не имевший собственной лирической темы лирик и версификатор-виртуоз. Воплощая Бернса, воплотился в нем. Даже сказал кое-что об эпохе, что не осмелился бы сказать от своего имени. По русскому Бернсу видно, что переводчик естественно вдохновлялся и вольнолюбивым Пушкиным.

*Свободе - привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол
возьмет*

*Со всеми тираниями
разом! (...)*

*Да здравствует право
читать.*

*Да здравствует право
писать.*

*Правдивой страницы
Лишь тот и боится,*

*Кто вынужден правду
скрывать.*

Природа человека и общества не изменилась за столетия. Переводы старинных стихов, появившиеся в нашей юности, подымали голос против новой тирании, густо замешанной на чудовищной лжи.

Русская поэзия сегодня трагически усложнена. Как вырастить прозрачного гения? Всеобщий раздрызг. Азартного скептика Иосифа Бродского с его асимметричными анжабеманами, за вычетом двух-трех опусов, не споешь. Однако оппозиционные барды, сформировавшиеся в 50-80-е годы, включая самого прозительного (писали ли об этом знатоки?), облучились, того не заметив, Бернсом. Явись он сегодня, это был бы Высоцкий.

Свои первые стихи Бернс написал в пятнадцать лет из страсти и гордости: «...Мря девушка пела песню, которую буд-то бы сочинил сын одного землевладельца, влюбленный в работницу с отцовской фермы, и я не видел причины, почему бы и мне не рифмовать, как рифмует он, тем более что он был не учнее меня. Так для меня начались Любовь и Поэзия...»

Как остро волновал мое поколение - задолго до «сексуальной революции» - эротический шедевр:

*...В ее щеках зарделась
кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
«Коль есть у вас ко мне
любовь,
Оставьте девушкой
меня!» (...)*

*А грудь ее была кругла, -
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких
холма...*

Бернс - сын века Просвещения, современник французской революции, отменившей привилегии и объявившей людей от рождения равными. Привет-

ствовал казнь королевской четы во Франции, «болвана-клятвенно-пре-ступника и бессовестной шлюхи», а вот хулу в адрес шотландских королей Стюартов не одобрял. Он был - представьте себе - на десять лет моложе нашего Радищева. На срок лет старше Пушкина. Читая его письма, не чувствуешь, что времени утекло так много: «Толкуют о ре-формах! Бог мой! Какие реформы я произвел бы среди сынов и даже среди дочерей человеческих! Миглом слетели бы с высоких постов все болваны, которых вознесла легкомысленная фортуна... Вот только с подлечами я не знал бы, что делать, а их очень много!» А вот еще стихи про свободу: она, норовистая кобылка, «как полевая мышь, гладка, но неумелому жокею на всем скаку сломают шею и, закусивши удила, умчится дальше, как стрела». Провидец... В горестях и утратах он искал разгадку того, «отчего Религия так дорога нищим и несчастным чадам человеческого», даже «если все это только выдумка, существующая лишь в воспаленном воображении восторженного ума». В адрес церкви сказал немало колкостей. Член Великой шотландской масонской ложи. После выхода книги стал знаменит за одну неделю. Был травим кальвинистскими священниками. Страдал от политических доносов. Нуждался. Однажды в виде гонора получил 20 экземпляров своего сборника. Честолюбивый. Вспыльчивый. С отличными манерами. Умело скрывал природную нервность и склонность к депрессиям, которые называл приступами беспричинной тос-

Роберт Бернс. Скульптор Н. Гаврилов.

ки. Постоянно влюблялся. Сколько детей родила ему жена Джин: семерых? девятих? У него также были две (кажется, две) внебрачные дочери.

Бернс узнал славу и разочаровался в ней. Временами разочаровывался в самом человечестве. Он не охладил только к милой родине - Шотландии. Долго болел: ревматическим эндокардитом. Уровень медицины был низок: не лечили, а убивали. Знал, что умирает. Пошутил, придя в гости к даме: «Ну, сударыня, нет ли у вас поручений на тот свет?» Его младший брат Гильберт вошел в историю тем, что, забыв щедрость Роберта, в день его похорон дал безденежной Джин монету и записал в тетрадку: «Один шиллинг - в долг вдове брата».

Русская биография Бернса написана Ритой Райт-Ковалевой; выдержала три издания в серии ЖЗЛ. Это хорошая книга; ее можно перечитать. Переиздать можно тоже.

«...Когда меня положат в могилу, я хочу вытянуться во весь рост, чтобы занять по праву каждый дюйм земли, принадлежащей мне...»

Сколько места он занял в читательском сердце, мы не измерим никогда.

ВЛАДИМИР ПРИХОДЬКО.